

ЭСКАДРА ПРИЗРАКОВ.

ИЗ СЕКРЕТОВ ВЕЛИКОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Командующий морскими силами Финляндии, адмирал Густав фон Шульц (до революции капитан 1-го ранга русского флота) в великую войну был представителем русского морского командования при штабе главнокомандующего британским флотом, сперва адмирала Джеллико, затем — Битти. Почти всю войну провел он в английском флоте, участвовал в Ютландском бою, близко соприкасался с представителями власти, выполняя отвественные поручения русского морского генерального штаба, работал в различных международных морских конференциях и не раз присутствовал на парламентских дебатах по важнейшим вопросам войны. Свои впечатления об этих годах службы, аккуратно заносившиеся в дневник, он затем собрал в довольно объемистую книгу, которую и выпустил на английском и французском языках*).

Воспоминания адмирала фон Шульца представляют немалый интерес, особенно в нашу эпоху, так как в них развертывается яркая картина быта, службы и работы могущественного в мире флота в самые отвественные для него годы, дается безпристрастная оценка его деятельности, и, кроме того, — характеристика общего положения Англии, — в частности, Лондона во время войны. Перед глазами читателя целия вереница государственных деятелей Великобритании: Ллойд-Джордж, Асквит, Бальфур, Черчилль, лорд Фишер и др.; читатель как бы возвращается в кабинеты морских лордов и присутствует при беседах автора с различными высокопоставленными лицами, как, например, с королем Георгом V, беседа с которым велась с глазу на глаз в каюте главнокомандующего на «Айрон Дюкс», в результате чего и последовало

*) Amiral G. von Schulz «Avec la grand Fleet», Payot, Paris.

распоряжение о посылке в Балтийское море нескольких английских подводных лодок. Из политических деятелей наибольшее внимание привлекает королевская фигура Ллойд-Джорджа. Уже с самого начала войны Ллойд-Джордж, тогда еще министр снабжения, замыт забирает власть в свои руки, все более оттесняя Асквита с его пресловутой политикой выжидания развития событий. В декабре 1916 г. он вынуждает, наконец, его уйти и формирует коалиционный кабинет. Но этого оказывается недостаточным. По обстоятельствам момента, нужен более импульсивный аппарат власти, и мгновенно спустя Ллойд-Джордж учредяет свой знаменитый «кабинет войны» и уже окончательно захватывает всю полноту власти. Начинается кипучая, почти самодержавная деятельность. В военный кабинет привлечено всего четверо лиц. Он заседа-

ет дважды в день, не исключая и праздников, и решает все вопросы, которые только может выдвигнуть война. Министры превращаются в простых исполнителей. Создается контролирующая их секретариат. Отсюда, из этого мозгового центра, отдаются все важнейшие распоряжения; здесь царит беспрекословное повиновение. Со временем Кромвелей в Англии не было еще такой диктаторской власти в руках одного человека. Адмирал фон Шульц приписывает это не только исключительности эпохи, но и тому, что в ту пору во всей Великобритании не находилось лица, которое можно было противопоставить Ллойд-Джорджу. — Черчилль? Но ему, по свидетельству адмирала, мгновенно прочиталось лицо, которое подействовало на него. Черчилль, на которого эти слова подействовали, как ушат хладной воды, заявил, что сейчас, после австро-венгерской неудачи, об этом не может быть и речи: «ты союзников (читай: англичан) к морским наступательным операциям пока остыл». На это фон Шульц резонно заметил, что в англо-венгерской неудаче повинна не сама идея операции, а недостаточная продуманность ее (читай: Черчилль), но он, видимо, задел болезненную струну. Лицо Черчилля передерну-

СОЛДАТЫ ЛОЯЛИСТЫ В РОЛИ САНИТАРОВ В БОМБАРДИРУЕМЫХ ГОРОДАХ.

Под огнем беспристанных налетов и бомбардировок городов лоялистов, у последних не хватает специальных отрядов для оказания помощи в городах и санитаров, а потому на это дело спешно вербуются солдаты из бомбоубежищ, подвергшемся бомбардировкам.

На этих двух снимках солдаты помогают эвакуации пострадавших из бомбардируемых районов.

Федеральный Пресс.

ИСПЫТАЙТЕ ВСЮ ПРЕЛЕСТЬ И НАСЛАЖДЕНИЕ ВЛАДЫНИЯ СОБСТВЕННЫМ ДОМОМ.

ПОКУПАЙТЕ ИЛИ СТРОИТЕ ВАШ ДОМ С ПОМОЩЬЮ FHA ТАЙМПЛАН ЗАЙМА.

ЗАЕМ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ

Займы для постройки новых домов, согласно FHA условий, выдаются до 90% FHA оценки дома и участка с рассрочкой на 25 лет.

90% займы выдаются до \$5,400.

ЗАЕМ ДЛЯ ПОКУПКИ

Займы для покупки готовых домов, согласно FHA условий, выдаются до 80% FHA оценки дома и участка с рассрочкой на 25 лет.

80% займы выдаются до \$16,000.

Вы можете занять деньги для покупки готового дома или для постройки нового, выплачивая заем месячными взносами от \$15.70 до \$160 в зависимости от суммы займа.

РУССКИЙ ОТДЫХ всегда готов дать полную информацию и рад содействовать получению займа.

РУССКИЙ ОТДЫХ: Лос-Анджелес П. И. Орлов, Управляющий Cor. 7th & Olive Streets. Tel. Trinity 4353.

РУССКИЙ ОТДЫХ: Сан-Франциско Г. В. Николашин, Управляющий Cor. Market, Powell & Eddy Sts. Tel. DOuglas 6112, Local 2598.

Bank of America
NATIONAL TRUST AND SAVINGS ASSOCIATION

Member Federal Deposit Insurance Corporation

РЕРИХ-ПОЭТ.

Эта статья прислана «Новой Зарей» из Риги. Принадлежит она первому известному латвийскому поэту Алексею Ранниту.

Рерих — это безспорно и безсомненно одно из величайших имен мира. Я не думаю при этом только Рериха — гений колориста — живописца, Рериха — энтузиаста, культурного деятеля, Рериха — ясного и облагораживающего писателя, Рериха — глубоко лирического поэта, но все вместе взятое.

Для меня Рерих, во-первых, великий поэт. Припомните лишь всю его жизнь, бывшую, как великий, могучий шумящий водопад — в живописи, в научных изысканиях, в книгах — ведь вы встретите Рериха — утонченного поэта. Но Рериха-поэта нельзя сопоставить со многими поэтами нашего современника. Рерих, как поэт, есть ценность, принадлежащая лучшим исканиям человеческого. Рерих напоминает мне всегда слова Жорж Занд, что «искусство не есть изучение современности, а искание идеальной истины, и Оскара Уальда, говорившего, что не искусство должно подражать жизни, но жизнь должна подражать искусству, — творя и преоценивая по образу великих произведений свои ценности».

Думая о Рерихе, в сознании рождается понятие, что имеется два рода чувств: поверхностные и глубинные, как внешние и внутренние «я» души. Так как для глубинных не создано особых слов, то среди них можно различать любовь, ненависть, желание, отвращение, хотя в действительности и большинству они принадлежат к внешнему «я» души. Люди живут обыкно-

венно поверхностными чувствами и глубинными, тайных боятся, закрывают на них глаза. Сообразившись с внешними чувствами, люди уверяют, что они то и то же, одни любят, другого ненавидят — и они правы и искренни, но правы и искренни только внешним достоинством своих чувств. И часто в то время, когда винное чувство есть радость, внутреннее и глубинное есть жуть и отчаяние. Как много влюбленных, бросая слова страсти, боятся посмотреть в тайники души, чтобы не обрести отвращение к той, о которой мечтают. Потому что можно любить и ненавидеть вместе. Внешние чувства не редко обращаются в страсть, во имя которой идут на смерть, унижение, предательство других и все же в глазах высшей истины это будет лицемерием, глубинные чувства в обычной жизни — это лишь одна реальность и «эдэссы» и «там», — Рерих — двоевед говорит: «мы не мечтатели, но работники жизни и наше посольство в том, чтобы сказать народу: помни Красоту». Если Рерих говорит здесь о служении жизни, то, конечно, о той жизни, идет речь, то кричит на базарах и ярмарках, но о той, которая является окном в Вечность.

Как центральной силой великих поэтов, так и источником всех художественных выражений Рериха является сердце: «Сог Арденс» — так называл он одну из своих организаций и это название подходит больше и к его поэтическому пламенному сердцу.

Сердце чувствует всемогущее значение красоты. Чрез все очищающее, все заново творящее свечение огня сердца, что благославляет и проявляет сквозь небо и землю, идет святой путь к человеческому величию — и до глубин содрагается человеческая душа от гармонического звона этого призыва огня. Но Рерих чарует нас и благородством мысли, возносящей все начальные формы божественного поэта. Если к этому привлечь еще большую лирическую убедительность, то станет совершенно ясным, почему во всех концах повторяют слова Бальмонтова:

Пять чувств — дорога лжи, но есть восторг экзата, Когда нам Истина сама собой видна.

Но разве чистая поэзия не есть глубокое прозрение души, разве совершеннейшим ликом поэзии не является лирика. Посмотрите только сколько лирики, но чистой и свежей северной лирики во всех картинах и книгах Рериха. Какие краски и слова извествны его интуитивному и древнему художественному преображению, ясные, простые и глубоко убедительные.

Из учений Рериха можно вычитать, что жизнь дана человеку для радости. Жизнь

ВОКЗАЛ: 5-я и Мишон, С.-Ф.

ТЕЛЕФОН: DOuglas 8633.

Слушайте радио — программу:

«Романтич. дорог» по съти
Мючуал Дон Ли по воскресеньям в 10 ч. 15 м. утра.

Грейхунд обслуживает все курорты и национальные парки. Поехайте туда по одной красивой дороге, возвращайтесь по другой, дышите остыванием, где хотите. Полный комфорт при поездке в новый автобус Грейхунд. В виду низкой проездной платы вы сэкономите деньги. Примьеры низкой пр. платы:

В Туда Туда и обратно
ЛОС-АНДЖЕЛОС \$6.25 \$11.25
СЕАТЛЬ 13.25 22.00
ЧИКАГО 33.50 56.10
Нью-ЙОРК 38.25 68.85

GREYHOUND

блестящих данных. По словам Гибсона, из двух претендентов на авторство по ея изданию: лорда Фишера и Черчилля, — последний имел пальму первенства, так как это он подал первую мысль. Еще 21 октября 1914 года Черчилль писал первому морскому лорду²⁾:

Рейд — огромнейший. Он настолько обширен, что весь большой английский флот, со средоточенным в нем, как то терялся, почему, впрочем, и не произвел того впечатления, которого ожидал русский гость. По всем направлениям сновали моторные лодки, катера, сторожевые суда. В северной части особняком вились какая-то эскадра, производившая странное впечатление. На вопрос, что это за эскадра, последовал не менее странный ответ: — «Эскадра призраков». Действительно, она и производила такое впечатление.

В официальной английской истории великой войны на морях почему-то ни слова не упоминается о ней, между тем, в частных мемуарах и статьях, как, например, в статье Гибсона («Эскадра самоубийц»)¹⁾ об этой таинственной эскадре приведено немало любопытных данных. По словам Гибсона, из двух претендентов на авторство по ея изданию: лорда Фишера и Черчилля, — последний имел пальму первенства, так как это он подал первую мысль. Еще 21 октября 1914 года Черчилль писал первому морскому лорду²⁾:

«... Необходимо немедленно и в секретнейшем порядке пригласить к сооружению макетной эскадры. Распорядитесь теперь же выбрать подходящие пароходы и преобразовать их в определенные линейные корабли I и II эскадр. Ожидая, что передышка займет не более трех недель...»

Лорд Фишер в своих воспоминаниях указывает, что сейчас же после своего назначения первым морским лордом (30 октября 1914 г.) он пригласил к себе капитана почтово-пассажирского парохода «Олимпия», отставного капитана II ранга Хаддока и предложил ему командование «необычайной еще в мире фантастической Эскадрой деревянных дредноутов». Тот согласился и принял за подбор соответствующих судов. Работа заняла Гибсона, «Эшенелль Магазин» приводит занятый рассказ одного из своих сотрудников, невзначай натолкнувшегося на эти призраки в самый разгар их преображения... «По начальному они не привлекли моего внимания, и я уже, было, прошел, когда, вдруг, остановилсь пораженный. По трапу подымались двое рабочих, неся (Окончание на 6-й странице)

А. Лукин.

1) Январская книжка «U. S. № 1. Proceedings» (1933 г.).

2) В Англии морской министр называется «первым лордом адмиралтейства», а начальником плавного морского штаба — «первым морским лордом».

**ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
«НОВАЯ ЗАРЯ»**

Редактор-Издатель Г. Т. Сухов.
*Russian Morning Daily News
“NOVAYA ZARYA”*. Published daily except Sunday and Monday.

G. T. Soohoff—Publisher and Editor. Главная контора, редакция и типография:

2078 Sutter St., San-Francisco, Calif. U. S. A. Phone Walnut 3165.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для Соед. Штатов (за исключением гор. Сан-Франциско), Канады, Кубы и Мексики:

(с субботне-воскресным номером)

На 1 год \$7.00

На 6 месяцев 3.75

На 3 месяца 2.00

На 1 месяц75

Для г. Сан-Франциско и за границу:

(с субботне-воскресным номером)

На 1 год \$8.50

На 6 месяцев 4.50

На 3 месяца 2.50

На 1 месяц95

ПОДПИСЬ ДУ СУББОТНЕ-ВОСКРЕСНЫЙ НОМЕР ТОЛЬКО:

На 1 год \$2.50

На 6 месяцев 1.25

На 3 месяца65

На 1 месяц25

Рукописи, присланные для напечатания в газете, должны быть напечатаны на пишущей машинке или четко написаны чернилами на одной стороне листа за подписью автора и с адресом. Редакция оставляет за собой право сокращать и изменять рукописи по своему усмотрению.

Непринятые к напечатанию рукописи возвращаются только в случае приема на почтовые расходы. Письма в редакцию и замечания прилагаются.

Рукописи без обозначения горнера считаются бесплатными.

СТРАНИЦА ЖЕНЩИНЫ.

СВАДЕБНЫЙ ГАРДЕРОБ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ КИРЫ КИРИЛЛОВНЫ.

Самому парижскому из парижских, самому смельчаку из смельчаков домов вышла часть одеть к венцу и сдевать полное приданое великой княжны Киры Кирилловны. — Дом Скапарелли — «анфант терибл де ла кутюр паризиен» — тщательно и с любовью составил из специально созданных для этого торжественного события моделей тот комплект женского гардероба, который, по его мнению, был необходим для венца и следующего за ним кругосветного путешествия их высокой клиентки. Всего было сшито 17 моделей, из которых два великолепных придворных платья.

Первое, из золотого «ламе», для торжественного приема, состоявшегося накануне православного бракосочетания в Потсдаме, второе — для обеда в самый день свадьбы по православному обряду из белой шелковой материи, расшитой серебром.

Только для венчания по протестантскому обряду в Доорн, резиденции бывшего германского императора, Кира Кирилловна изменила современной моды...

На ней было платье ей бабки, великой княжны Марии Александровны, дочери императора Александра II, вышедшей замуж за герцога Эдинбургского, ставшего впоследствии герцогом Кобургским. Фата из старинных кружев и бриллиантовая диадема дополняли этот великолепный старинный туалет. Прибавим, кстати, что это платье — сохранившееся в Кобург в течение 80 лет — пришло со всем впору Кире Кирилловне и не потребовало ни малейших переделок!

Дом Скапарелли, на просьбу

Вел. кн. Кира Кирилловна в подвенечном платье.

бы рассказать о сдевленном им приданом, сообщил некоторые подробности этого многочисленного заказа:

1) Манто 7/8 из темно-синей шерстяной материи, подбитое синей в белую полоску шелковой матерей; к нему простое спортивное платье из того же материала, что и подкладка, зашивавшаяся у ворота белой тесьмой.

2) Костюм из сиро-коричневого в темно-красную полу-

скую «твида» в блузкой из фуфайки из цвета бордо.

3) Платье «апрэ-миди» из синяго креп де шина с короткой жакеткой из той же материи.

4) Шелковый, коричневый костюм в синюю, желтую и красную полоску. На него во время путешествия или прогулок надевается длинное (в длину тайера) пальто из светло-бежевого «твида» на той же подкладке, что и костюм.

5) Дневное платье и жакетка из черного с белым «эмприм».

6) Манто «клеш» из черной шерстяной материи.

7) Темно-синее, в голубых маленьких краях платье «эмприм» из легкого креп де шина.

8) Облегающее, черное шелковое платье; длинное, закрытое и плотно облегающее фигуру; немножко строгое.

9) Маленький жакетик из китайского тяжелого шелка. По синему фону расшитый золотой и серебряной нитью.

10) Вечернее, черное с белым платье «эмприм» из крепа де шина.

11) Вечернее, очень декольтированное, с широкой юбкой платье из синяго муслина с серебряными полосами.

Придворное платье из золотого «ламе» сильно декольтированное, корсаж его в мелких сборках, юбка длинная со шлейфом, узкая. Второе придворное платье также сильно декольтировано, но юбка его широкая, стильная.

Наконец еще одно вечернее, льготное платье из белой «органзы» в синих колосах. Рисунок спирально изучен для этого стильного платья. Большие буквы для юбки и маленькие на корсаже.

И. Р.

ный мужчина видит в женщине не только жену, но и мать своих будущих детей. Практикующему врачу часто приходится выслушивать исповедь своих больных и как часто приходится слышать стереотипную фразу: «Ничего не могу с собой поделать, доктор, жена вызывает у меня физическое отвращение — это скелет, обтянутый кожей». Однажды мне пришлось долго и упорно уговаривать одну пациентку отказаться от линий и начать питаться как следует, когда я безрезультирующе исчерпал все доводы, то обратился к мужу. Скажите вы, вам нужна ли линия вашей жены? Муж, мрачный человек, не принимавший участия в разговоре и сидевший в углу, откашлялся и сказал: «В совершенных условиях мне нужно 2 жены, одна с линией, чтобы с ней выходить, а другая нормальная, для дома»...

Часто женщина видит на экране красивый, тонкий, хорошо одетый силуэт и ей кажется, что стоит ей только похудеть и она будет так же красива, забывая о том, что артиста дает красивый силуэт не потому, что она худа, а благодаря тому, что она хорошо и пропорционально сложена, и что только такая женщина без ущерба для глаза может оставаться худой. Женщина же с короткими ногами, с длинной талией или с широко поставленным скелетом, похудев изорудует свою фигуру. С другой стороны, часто женщины, превосходно сложенные, рабски подчиняются морду и вопреки здравому смыслу стремятся похудеть. Однажды в институт красоты явилась молодая женщина, врач, пораженный красотой и пропорциональностью тела пациентки, изменил ее сантиметр, оказалось, что все разместили и пропорции соответствуют Венеры Милосской. «Больная», узнав об этом, воскликнула: «Какой ужас, доктор, я даже не предполагала, что я такая корова, начнем немедленно массаж и пропишите мне режим».

«Психоз линий» чрезвычайно заразителен, а для женщин, рабски подчиняющейся законам моды, доводы логики и здравого смысла — пустой звук, у такой женщины моя статья вызовет только снисходительную улыбку. Задача моя заключается в том, чтобы предостеречь тех, кто еще не утратил возможности самостоятельного суждения. Женский организм больше

ДВЕ СОВЕРШЕННЫХ ФИГУРЫ.

Недавно среди радио-звезда состоялся конкурс красоты фигуры. В конкурсе принималось во внимание не только красота фигуры, но и физическое развитие. Главным судьей конкурса был знаменитый силач Чарльз Атлас, который славится по всей Америке своей фигурой и своей силой. Он заявил, что звезда На-

дин Коннор обладает самой красивой и самой развитой фигурой среди радио-звезда. Надин Коннор выступает по Колумбийской радиостанции по пятницам с 10 до 10 ч. 45 м. вечера по восточному времени. Ее программа передается в Сан-Франциско по станции KSFO.

КАЛИСТОГА ДАЧА-РЕЗОРТ И БЫВШ. ДАЧА ВАРАКИНА

CEDAR & BERRY STS.
СДАЮТСЯ: АПАРТМЕНТ, КОМНАТЫ, КАБИНКИ
со всеми удобствами. Большой теннисный САД —
прекрасное место для больших и маленьких.
Справки: в Сан-Франциско по тел. UNderhill 3865 по субботу и воскресенье — в Калистоу.
Цены от 6 долларов и выше в неделью.
И. К. и А. Л. ДЕМЕНТЬЕВЫ.

CALISTOGA DOBR MINERAL SPRING

Railroad Ave. & Park St. Тел. Calistoga 180.

КВАРТИРЫ И КОМНАТЫ. Квартиранты принимаются со столом и без стола.
СЫРНАЯ ГОРЯЧАЯ ВОДА.
Ванны и души бесплатно.
Владельцы В. и Л. ДОБР(ОВИДОВЫ).

NANCE'S CALISTOGA MUD BATHS

Calistoga, Calif. Телефон 127.

ГРЯЗЕВЫЯ, ВНУТРЕННИЕ ВАННЫ Открыты
Паровья, под наблюдением опытных круглых
СЫРНЫХ ванны. служащих мужчин и женщин. год.
Естественная грязь и вода из естественных гейзеров.

PACHETEAU'S CALISTOGA HOT SPRINGS

The Home of Quality.

КУПАЛЬНЫЙ БАССЕЙН с водой из наших гейзеров. Оборудованы КОТТЕДЖИ по уменьш. ценам. Сырные, грязевые и паровые ВАННЫ. Естественные минеральные ИСТОЧНИКИ. Наши ванны рекомендованы врачами для лечения ревмат., неврита, болезни желудка, печени, почек и общего малокровия. — Callistoga, Calif. — Тел. 78 — G. J. Pacheteau, Prop.

MOUNTAIN HOME RANCH

в 6 милях от Калистоу вблизи Окаменелого Льва.
КУПАНИЕ. ТАНЦЫ. Домашняя атмосфера.
Плата 18 долларов в неделю.

LUDWIG ORTH.

МАНИФЕСТАЦИЯ СТАРЫХ ДЕВ.

ЛОНДОН. Английская старая фамилия, образовавшая союз, чтобы добиться от правительства пенсий для престарелых девиц, перешагнувших за 55 лет, устроили на днях грандиозную манифестацию, в которой приняли участие до 10,000 старых дев, из 125 тысяч, которых записались уже в организацию. Маршрут был выработан с таким расчетом, что престарелые должны были пройти две мили, но полиция, забаррикадировавшая несколько главных улиц, заставила старых дев продлить до Гайд-парка, где должен был состояться митинг, не менее пяти миль. Это напряжение отозвалось на манифестации.

«Психоз линий» чрезвычайно заразителен, а для женщин, рабски подчиняющейся законам моды, доводы логики и здравого смысла — пустой звук, у такой женщины моя статья вызовет только снисходительную улыбку. Задача моя заключается в том, чтобы предостеречь тех, кто еще не утратил возможности самостоятельного суждения. Женский организм больше

стаканах, и было много случаев обмороков.

На митинге в Гайд-парке главари организации обосновывали требования старых дев к правительству, главным образом, тем, что война унесла 600,000 молодых или бракоспособных англичан, и это, конечно, значительно уменьшило возможность молодых англичанок определенного поколения на брачный союз и создание семьи.

Движение старых дев вызывало в Англии большое сочувствие, и по поводу действий полиции во время манифестаций последует запрет в палате общин министру внутренних дел Хору со стороны консерватора Проктора.

СОВЕТЫ ХОЗЯЙКАМ. БУБЛИКИ (СУШКИ).

Три четверти фунта муки крупчатки высыпать на стол, сдобрить углубление в муке в виде колодца. Положить щепотку соли и сахара в это углубление, взбить одно яйцо (блек и желток), полстакана холодной воды, влить понемногу, размешивая воду с яйцом, пока жидкость постепенно соединится с мукою и заменит тесто, как для лапши, но, чтобы оно было немножко мягче.

Готовое тесто раскатывать руками в тоненькую веревочку длиной в 2 вершка, концы склеить вмести.

Приготовленный таким образом сушки опустить в соленый кипяток; когда вскинут и вселены в наверх, вынуть их шумовкой на сито, чтобы вся вода стекла.

Затем уложить на сухой лист и поставить в хороший жар в духовку. Когда подсохнут и зарумянятся, вынуть.

Перед тем, как ставить в печь, сушки можно посыпать солью, маком или тмином; чайные ложки сушки.

Чтобы приготовить бублики, надо раскатывать тесто более толстое, приблизительно в палец толщиной и опускать их не в кипяток, а в горячее молоко и без соли.

В остальном поступать как с сушками.

ДАЧА-ФАРМА А. ПАШКЕВИЧА

на СТАНИСЛАУС РИВЕР.

Теплый климат, прекрасное купание, рыбная ловля, охота. Цены: \$1.25, 1.50, 2.00 в сутки или \$8.00, 10.00, 12.50 в неделю. со столом. — За справками обращаться: А. Пашкевич, Rt. 2, Box 86, Oakdale, Calif.

Vacation Beach

ЛЮДИ ДАЧНЫЙ ПОСЕЛОК НА РУССКОЙ РЫБКЕ — где вы можете стать владельцем своего собственного участка и собственной дачи или же снять на берегу реки Кабинку, вполне оборудованную для приготовления пищи и с мебелью. Только что поступили в продажу НОВЫЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ УЧАСТИКИ по весьма умеренным ценам и на легких условиях платежа. Для подробных сведений пишите или спрашивайте у A. GENELLY, Rt. 1, Box 75, Guerneville, Calif.

BENSON'S TAVERN

ВЛИЗИ VACATION BEACH.

ХОРОШИЙ СТОЛ и ПОЛНЫЙ ОТДЫХ.

НА ВАКЕЙШОН БИЧ наш вполне оборудованный БАКАЛЕЙНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

1

Рерих - поэт.

Рерих - это бесспорно и безсомненно одно из величайших имен мира. Я не думаю при этом только Рериха - гениального колориста - живописца, Рериха - энтузиастного, культурного деятеля, Рериха - ясного и облагораживающего писателя, Рериха - глубоко лирического поэта, но все вместе взятое.

Для меня Рерих, во первых, великий поэт. Припомните лишь всю его жизнь, бьющуюся, как великий, могуче шумящий водопад - в живописи, в научных изысканиях, в книгах - везде вы встретите Рериха - утонченного поэта. Но Рериха - поэта нельзя сопоставить со многими поэтами нашего современства. Рерих, как поэт, есть ценность принадлежащая лучшимисканиям человеческого. Рерих напоминает мне всегда слова Жорж Занд, что "искусство не есть изучение современства, а иска¹ние идеальной истины" и Оскара Уальда говорившего, что не искусство должно подражать жизни, но жизнь должна подражать искусству - творя и переоценивая по образу великих произведений искусства свои ценности.

Думая о Рерихе в сознании рождается понятие, что имеется два рода чувств: поверхностные и глубинные, как внешние и внутренние "я" души. Так как для глубинных не создано особых слов, то и среди них можно различать любовь, ненависть, желание, отвращение, хотя в действительности и большинстве они принадлежат к внешнему "я" души. Люди живут обыкновенно поверхностными чувствами и глубинных, тайных боятся, закрывают на них глаза. Сообразовавшись с внешними чувствами, люди утверждают, что они то и то же желают, одного любят, другого ненавидят - и они правы и искрени, но правы и искрени только внешним достоянием своих чувств. И часто в то время, когда внешнее чувство есть радость, внутреннее и глубинное есть жуть и отчаяние. Как много влюбленных, бросая слова страсти, боятся посмотреть в тайники души, чтобы не обрести отвращение к той, о которой мечтают. Потому то и можно любить и ненавидеть вместе. Внешние чувства нередко обращаются в страсть, во имя которой идут на смерть, унижение, предательство других и все же в глазах высшей истины это будет лицемерием, глубинные чувства в обыкновенной жизни редко переживаемы. Часто они невыразимы. Но поэт, который осмеливается взглянуть в глубину души, видит там бездонности. Это видели Данте и Достоевский. Это видит и Рерих. Эстетическое прозрение Рериха выразимо словами Бальмонта:

Пять чувств - дорога лжи, но есть восторг экстаза,
Когда нам Истина сама собой видна.

Но разве чистая поэзия не есть глубокое прозрение души, разве совершеннейшим лицом поэзии не является лирика. Посмотрите только сколько лирики, но чистой и свежей северной лирики во всех картинах и книгах Рериха. Какие краски и слова известны его интуитивному и древнему художественному преображению ясные, простые и глубоко убедительные.

И если многим поэтам дано мечтать и в их понятии - мечтание означает об-

ладание многим, полученное же само потерей всего, то Рерих этот "практический идеалист" как называют его друзья - не зная ни реальности, ни ирреализма (в их повседневном понятии), но лишь одну реальность и "здесь" и "там", - Рерих-двоевидец говорит: "мы не мечтатели, но работники жизни и наше посольство в том, чтобы сказать народу: помни Красоту...." Если Рерих говорит здесь о служении жизни, то конечно не о той жизни идет речь, что кричит на базарах и ярмарках, но о той, которая является окном в Вечность.

Как центральной силой великих поэтов так и источником всех художественных выявлений Рериха является сердце: *Сон Ардент* - так назвал он одну из своих организаций и это название подходит больше всего и к его поистине пламенному сердцу.

Сердце чувствует всемогущее значение Красоты. Через все очищающее, все заново творящее свечение огня сердца, что благославляет и проникает сквозь небо и землю, идет святой путь к человеческому величию - и до глубин содрогается человеческая душа от гармонического звона этого призыва огня. Но Рерих чарует нас и благородством мысли, познающей все начальные формы божественного посева. Если к этому прибавить еще большую лирическую убедительность, то станет совершенно ясным, почему во всех концах повторяются его учения, как слова Евангелия.

Из учений Рериха можно вычитать, что жизнь дана человеку для радости. Жизнь прекрасна жизнью, радостью искусства, художественным наслаждением, Красотою и радостью творчества, в которой человек становится Богом. Красота и искусство-божественны, красота есть Бог, высшая, неподчиняющаяся, исключительная ценность.

И так смысл жизни в самой жизни, так и смысл красоты в самой божественной красоте. Но Достоевский сказал ведь: "Красота спасет мир" и ценность сказанного познал во всей силе Рерих. Рерих зовет всех осознать красоту, вступить на путь, освещенный факелом красоты. Красота спасет от притупляющих и обезсиливающих жизненных мелочей, этой липкой тины - засасывающей душу. Но для того, чтобы народы познали красоту нужна неустанная борьба. Наш идеал - труд. Пусть катятся здоровые капли. В этих каплях симфония. Истинная симфония жизни. Труд, освещенный яркими лучами солнца. Солнца правды. Что может быть величественней этой картины. Жалкие тени современья - все это носящее щит повседневья мещанства скроется - ей не место на истинном празднике жизни - когда на нее упадет хотя бы один луч этого солнца.

Рерих дает на все ясные и прямые ответы.

И если нам казался ключ от ящика, в котором скрыто счастье народов, куда-то за-прятанным, куда-то заброшенным, и если мы искали того смелого рыцаря, который не побоялся бы никаких злых стихий и кто нашел бы этот ключ, даже если он был бы брошен на дно морское - то вы поймете почему в моменты тяжелой скорби, сгинаясь под тяжелой ношей кругом происходящего - мы тянемся к этому рыцарю.

3

Рерих - поэт.

Рерих - это бесспорно и безсомненно одно из величайших имен мира. Я не думаю при этом только Рериха - гениального колориста - живописца, Рериха - энтузиастичного, культурного деятеля, Рериха-ясного и облагораживающего писателя, Рериха-глубоко лирического поэта, но все вместе взятое.

Для меня Рерих, во первых, великий поэт. Припомните лишь всю его жизнь, бывшуюся, как великий, могучий шумящий водопад в живописи, в научных изысканиях, в книгах - везде вы встретите Рериха - утонченного поэта. Но Рериха-поэта нельзя сопоставить со многими поэтами нашего современника. Рерих, как поэт, есть ценность принадлежащая лучшимисканиям человеческого. Рерих напоминает мне всегда слова Жорж Занд, что "искусство не есть изучение современника, а искание идеальной истины" и Оскара Уальда говорившего, что не искусство должно подражать жизни, но жизнь должна подражать искусству-творя и переоценивая по образу великих произведений искусства свои ценности.

Думая о Рерихе в сознании рождается понятие, что имеется два рода чувств: поверхностные и глубинные, как внешние и внутренние "я" души. Так как для глубинных не создано особых слов, то и среди них можно различать любовь, ненависть, желание, отвращение, хотя в действительности и большинстве они принадлежат к внешнему "я" души. Люди живут обыкновенно поверхностными чувствами и глубинными, тайных боятся, закрывают на них глаза. Сообразовавшись с внешними чувствами, люди утверждают, что они то и то же желают, одного любят, другого ненавидят - и они правы и искренни, но правы и искренни только внешним достоянием своих чувств. И часто в то время, когда внешнее чувство есть радость, внутреннее и глубинное есть жуть и отчаяние. Как много влюбленных, бросая слова страсти, боятся посмотреть в тайники души, чтобы не обрести отвращение к той, о которой мечтают. Потому то и можно любить и ненавидеть вместе. Внешние чувства нередко обращаются в страсть, во имя которой идут на смерть, унижение, предательство других и все же в глазах высшей истины это будет лицемерием, глубинные чувства в обыкновенной жизни редко переживаемы. Часто они невыразимы. Но поэт, который осмеливается взглянуть в глубину души, видит там бездонности. Это видели Данте и Достоевский. Это видит и Рерих. Эстетическое прозрение Рериха выражено словами Баль蒙та:

Пять чувств - дорога лжи, но есть восторг экстаза,
Когда нам Истина сама собой видна.

Но разве чистая поэзия не есть глубокое прозрение души, разве совершеннейшим лицом поэзии не является лирика. Посмотрите только сколько лирики, но чистой и свежей северной лирики во всех картинах и книгах Рериха. Какие краски и слова известны его интуитивному и древнему художественному преображению ясные, простые и глубоко убедительные.

И если многим поэтам дано мечтать и в их понятии-мечтание означает обладание многим, полученное же само потерей всего, то Рерих этот "практический идеалист" как называют его друзья - не зная ни реальности, ни ирреализма /в их повседневном понятии/, но лишь одну реальность и "здесь" и "там", - Рерих - двоевидец говорит: "мы не мечтатели, но работники жизни и наше посольство в том, чтобы сказать народу: помни Красоту...." Если Рерих говорит здесь о служении жизни, то конечно не о той жизни идет речь, что кричит на базарах и ярмарках, но о той, которая является окном в Вечность.

Как центральной силой великих поэтов, так и источником всех художественных выявленияй Рериха является сердце: " " - так назвал он одну из своих

организаций и это название подходит больше всего и к его поистине пламенному сердцу.

Сердце чувствует всемогущее значение Красоты. Через все очищающее, все заново творящее свечение огня сердца, что благославляет и проникает сквозь небо и землю, идет святой путь к человеческому величию - и до глубин содрогается человеческая душа от гармонического звона этого призывающего огия. Но Рерих чарует нас и благородством мысли, познающей все начальные формы божественного посева. Если к этому прибавить еще большую лирическую убедительность, то станет совершенно ясным, почему во всех концах повторяются его учения, как слова Евангелия.

Из учений Рериха можно вычитать, что жизнь дана человеку для радости. Жизнь прекрасна жизнью, радостью искусства, художественным наслаждением, Красотою и радостью творчества, в которой человек становится Богом. Красота и искусство-божественны, красота есть Бог, высшая, неподчиняющаяся, исключительная ценность.

И так смысл жизни в самой жизни, так и смысл красоты в самой божественной красоте. Но Достоевский сказал ведь: "Красота спасет мир" и ценность сказанного познал во всей силе Рерих. Рерих зовет всех осознать красоту, вступить на путь, освещенный факелом красоты. Красота спасет от притупляющих и обезсмысливающих жизненных мелочей, этой липкой тины - засасывающей душу. Но для того, чтобы народы познали красоту нужна неустанныя борьба. Наш идеал - труд. Пусть катятся здоровые капли! В этих каплях симфония жизни. Труд, освещенный яркими лучами солнца. Солнца правды. Что может быть величественней этой картины. Малкие тени современья - все это носящее щит повседневья мещанства скроется - ей не место на истинном празднике жизни - когда на нее упадет хотя бы один луч этого солнца.

Рерих дает на все ясные и прямые ответы.

И если нам казался ключ от ящика, в котором скрыто счастье народов, куда-то запрятанным, куда-то заброшенным, и если мы искали того смелого рыцаря, который не побоялся бы никаких злых стихий и кто нашел бы этот ключ, даже если он был бы брошен на дно морское - то вы поймете почему в моменты тяжелой скорби, сгибаясь под тяжелой ношей кругом происходящего - мы тянемся к этому рыцарю.

Его имя Рерих.

Алексей Раннит.

Бесценное
произведение
народное
— ПАГАЛЧИТ —

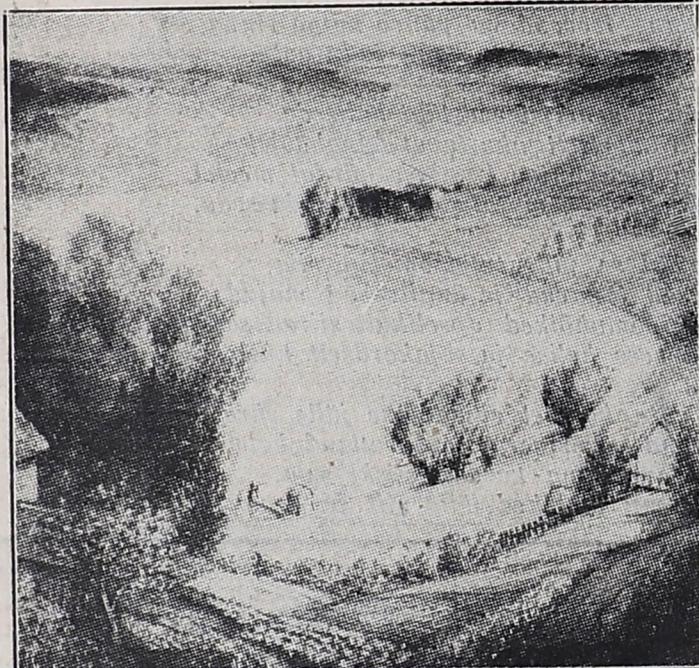
elkycomes u Neimepamysa **Runst ja Kirjandus**

Nr. 12

PÜHAPÄEVAL, 20. MÄRTSIL 1938 A.

VII AASTAKAIK

EKKKÜ kunstinäitu selt kunstihooones

Kriitika müstee- rium

Eesti kirjanduskriitika kohta on viimaseil aastail üsna sageli hakanud kuuldavale tulema häält, et meie arvustus ei seisvat kuigi kõrgel tasemel ja et ta pole seepärast oigustatud olema eestkostjaks temast palju vanemale ja paremal järjel seisvalle kirjandusele. Kriitika nivoo madaluse põhjust on mitmed kirjanikud (Jaik j. t.) näinud selles, et meie kirjandusarvustuse pöldu on julgenud hoogsalt kündma hakata sootuks „kutsumatud künnimehedi“, kes selleks olevat kõige vähem sobivad — akadeemilised kirjandusteadlased ja magistrid! Seega siis esijoones n.-n. Tartu mehed. Nemad olevat nimelt nii-sugused imelikud inimesed, et tulevad teose kallale tollipulga ja sirkliga ning — asuvad seal taga ajama NB! kõrgemat matemaatikat ja loomingulist loogikat, mida nad isegi ei tundvat. Just nimelt tollipulga ja sirkliga. Ja kui nad siis sel kombel arvustatava teose otsas on läbi sirvinud ja seda, mida nad ise ei tunne, seal pole leidnud, siis langetavad nad jalamaid otsuse: raamat on loogikavigne, kompositsioonitu, logiseb oma üksikosades ja on sellepä-

Vassakul
A. Murakin
„Sügisesed kaugused“

Paremal
J. Greenberg
„Suusataja“

rast kunstiliselt kasimatu. Just nagu seisaks puhas kunst ainult matemaatilises täpsuses ja loogikasüsteemis. Olevat tungivalt tarvis, et arvustaja pistaks ilusasti tasku igasugused pulikad ja tuleks teose juure nagu e simene armastaaja, kes oma objektilt esijoones otsib hinge, südamejooki, kuna ihu ja kondikavaga on aega. Ei olevatki ka niipalju tähtis teose luustik, kui just ta sisemine pinge, lõövus, temperament, graatsia, dünaamika ja sugestiivsus. Ühe sõnaga — peaasi, et raamat sisult on „sale joon“. Lugevat ainestik, positiivsus, mõne juures negatiivsus, miljöö ja taust, sageli ka miljötüs ning tagafoonitus, — peamiselt nii, kuidas suur loaja on arvanud heaks. Sest kirjanikud-loojad ise olevatki kõige paremad arvustajad (Jaik, Hindrey). See-suguseid sisemisi omadusi magistrid ja

teadlased aga kirjanduselt ei otsivat ehk kui, siis alles kõige viimases järjekorras. Sellest sõltuvalt olevat otsuses ebaõiglased ja sellest omakorda taas sõltuvalt olevat arvustus ise nõrk, nigel, et oleks parem, kui teda poleks olemasi kirjanduse ja rahva vahel.

Kuid kriitika ei tee sellest kõigest väljagi, vaid elab ja aina kasvab elujouliselt edasi. Ning üksikud kirjanikud on rahutud ja tahaksid vist meeeldi järgneda juba Saksamaa eeskujule, kus teatavasti on ju piiratud arvustuse vabadus. Mis siis edasi ja kuidas?

Näib, et saksa režiimile üleminekust ei tule head nahka, kuna selleks pole veel küllalt loogikavaest kirjandust. Et nii sugust sammu teostada, selleks tuleks enne läbi viia kirjandusloo moodsamat faasid: pöletada parimad

Soome Ooperi direktoris valiti naine

Neil peäväl Soome Ooperi nõukogu valis ooperi uueks juhatajaks proua Aino Acté-Jalanderi. Proua Jalander jutustas teda usutlema tulnud ajakirjanikele, et kavatseb tuua lavale esijoones suuri ajaloolise taustaga oopereid. Üheks selliseks pr. Jalanderil on juba välja valitud Viinis suure edu osaliseks saanud Goldmarck'i ooper „Seeba kuninganna“. Peaosas esineks töenäoliselt Antonietta Toini külalise na. Ka vanu oopereid uuendatakse, nagu näiteks „Hoffmanni lugusid“, „Traviat“ „Rigolettot“, „Fausti“ j.m. Neile tulevad uued dekoratsioonid, uued kostüümid jne. Soome uudistesse tuleb lavastusele Väinö Hannikaise komponeeritud ballett „Önnelind“. Üldse kavatseb pr. Jalander suurte ooperi tantsurühma, ka koori võetakse juure noori värsked häälid. Lähemal ajal ooperi uus direktor sooritab reisi välismaile, kusjuures reisi üheks eesmärgiks on leida Soome Ooperile noor ja körgehääleline tenor.

Varsti Soome Ooperil seisab ees hispaaniaaineline esietendus. 23. märtsil tuleb lavale Manuela de Falla ooper „La vida breve“.

Ilu köikvõimsat tähendust. Läbi köike puhestava, köike uueks loova südametule valguse, mis õnnistab ja läbib taeva ja maa, viib püha tee inimeslikkuse ja suruse poole — ning sügavaimate löppudeni vópatub inimhing selle kutsuva tule harmoonilisest helisemisest. Kuid Roerich veetleb meid ka mõtte öilsusega, mis tajub kõiki jumaliku külv algvorme. Kui sinna juure lisada veel suurt lüürilist veenvust — siis saab täiesti selgeks, miks kõigis maailmajagudes korrratakse tema õpetusi kui evangeeliumi sónu.

Roerichi õpetusist vőib välja lugeda, et elu on inimesele antud rõõmuks. Elu on kaunis eluna, kunsti rõõmuna, kunsitlike naudinguna, iluna, loomingu rõõmuna, milles inimene muutub jumalaks. Ilu ja kunst on jumalikud, ilu on jumal: kõrgeim, alistumatu, erandlik vääratus. Ja nii nagu elu mõte on elu ise, tema hingus, nii ilu mõte on ise jumalik ilu. Kuid Dostojevski ütles jü, et: „Ilu päästab maailma“ ja öeldu väärust mõistis täies ulatuses Roerich. Roerich kutsub kõiki mõistma ilu, astuma teele, mis on valgustatud ilu tunglaga. Ilu päästab inimest nüristavaist ja jõuetuks tegevaist eluliste väiklusist, sellest kleepuvast saas-

Hajameeline professor

Kuulsa Uppsala ülikooli professor, kes oli tuntud oma hajameelsuse poolest, oli kord vihmasel päeval unustanud oma vihmavarju kuskile kauplusse — nagu see hajameelsete professoritega ikka nii juhtub —. Märgates, mis oli juhtunud, professor käis ärist ärisse ja küsis oma vihmavarju. Kuid seda ei leitud. Kõik vastasid eitavalt professori küsimusele. Viimaks vihmavari siiski leidus. Ja professor ei joudnud küllalt tänada müüjannat, hüüdes vaimustatult:

„Esimene aus inimene, keda täna kohtan, preili! Palju tänu! Mötzelge, olen känud kummekonnas kaupluses ja igal pool kõik aina eitasid. Teie olete esimene, kes vastas jaatavalalt. Südamest palju tänu!

BERNARD SHAW ja MAURICE CHEVALIER

Bernard Shaw ja Maurice Chevalier puhkavad praegu Davosis oma tööst. Maurice Chevalier, kes Davosis „loomulikult“ kannab Tiroli kübarat, korraldas kontserdi puudustkannatavate prantslast - haigete heaks, kus ta laulis oma kuulsaid šansonede. Bernard Shaw'le, kes ka viibis kuulajate hulgas, meeldisid laulukesed väga ja ta laskis end pärast ettekannet Chevalier'ga tut-

tast, mis imeb endasse hing. Kuid seleks, et rahvad mõistaksid ilu, on tarvis innukat võitlemist. Meie ideaaliks on töö. Las' voolavad terveks tegevahigi tilgad. Neis tilkades on sümfoonika. Elu töeline sümfoonika. Töö, mis on valgustatud päikesest eredaist kiireist. Töö päikesest. Mis võiks olla suurem sellest pildist! Kaasaegsuse kahvatud varjud — kogu see igapäevsuse armetut kilpi kandev väikekodanlus, kellel ei ole ruumi elu töelisel pühul — kaob, kui talle langeb ainult üks kiir sellest päikesest.

Roerich annab kõigile küsimusile selged ja siiraid vastusi. Ja kui meile näis võti kastilt, milles on peidetud rahvaste õnn, kuhugi heidetud, kuhugi peidetud, kui meie otsisime seda julget rüütilt, kes ei tunneks kartust kõigi julmade jõudude ees, ja kes leiaks selle võtme isegi sel juhul, kui ta oleks heidetud mere põhja — siis te mõistate, miks raske kurbuse hetkil, paindununa ümberringi sündiva raske kandami all, meie sammume selle rüütlipoole. Tema nimi on Roerich.

Riias ilmuvast monograafist

„NICOLAS ROERICH“

„Teatri“ märtsikuu number

Äsja ilmunud ajakirja „Teatri“ märtsikuu number toob avaartiklina A. Sikemält pikema artikli näitejuhi ülesannetest teatrikunstis ja selle rakendusmeetodeist, Juh. Kangur analüüsib ansambl-teatri mõiste kujunemist ja taotlusi selles suunas eesti teatrite juures, E. Uulilt on pikem arvustav sõnavõtt „Piteedist ja stagnatsioonist meie muusikaelus“. Edasi on Rasmus Kangro-Poolilt tervituskiri Eduard Türgile 50-nda sünnipäeva puhul, A. Sunne annab meeoleolisi mälestuskilde teatrioludest saksa okupatsioonipäevil 1918. a., V. Kaljumäe vaatleb teatrit ja inimest läbi Marcel Pagnoli prillide, A. Sepp kirjutab kolme aasta eest surnud kuulsa näitleja Aleksander Moissi elust ja ta loomingust, A. Polgar „Viimsest etendusest ja eesriidest“, väga huvitavad on katked Ibseni loomingust pealkirja all „Henrik Ibsen eraviisil“. Mõnusaid, amüsantseid vahepalasid ja välimaa teatriuudiseid pakub „Kuuldnähtut-loetut“ osa, edasi ülevaateid kodumaa teatrite tööst jne. jne. Number on rikkalikult illustreeritud.

vustada. Ta ütles sõbralikult kuulsale šansonjeele: „Ma ei ole teid seni kahjuks veel kuulnud.“ Chevalier vastas kohe niisama sõbralikult: „Ei ole viga, ma ei ole ka seni veel ühtki teie raamatut lugenud.“

THIMIGIDE PEREKOND OLI PAPAGOIHAIGE

Kuulus austria näitlejateperekond Thimig, mis koosneb Hugost, Helenest ja nende poegadest Hermanist ja Hansust, oli vahepeal papagoihaige. Peale Thimigide haigestus veel terve rida isikuid, kel oli kokkupuutumisi selle perekonnaga. Kõige enam kardeti isa Hugo pärast, kes on juba üle 80-ne aasta vana, nüüd on aga kogu perekond jälle terve. Muide, selle haiguse tõttu tekkis Viinis suur paanika, mille tagajärvel anti Viini loomakaitseseltsile üle 10.000 (kümmetuhat!) papagoid.

viimiseks. Valu oma kodumaa saatuse pärast vormis ta selleks armastus eks oma rahva vastu, mille elava kehastusena tundsimene teda ta elupäevil. Valu oli talle nagu rõõm, mida ta tahitis rinnas kanda... Sest ta ei kurtnud oma valu, oli önnelikki...

Ei ole tänapäev puudus suurist eestlastist, kuid üsna vähe leidub meil siiski inimesi, kes isamaapojad oleksid sel viisil kui Jakob Liiv. Sest hea komme ja aeg nõuab, et nüüdisaja eesltane peab olema ka hea europlane. Ja euroopat taga ajades nii mõned esmajärgulised eestlased lähevad liialt kaugele. Liiv ei hoolinud Euroopast. Tema ei ahminud võrast kassikulda ehtsa kulla pähе. Maailm algas ja lõppes Eestiga. See oli talle kui religioon, evangelium, mille suurt imet ja salajöödu ta uskus kuni viimse hetkeni. Vankumatult ning kindlalt. Tormid teda ei kõigutannud. Ta kodu oli eestluse kants.

Kui inimene ja kui esetlane Liiv oli väga mõjuv. Sest temas kõneles sügav elutunne ja veendumus.

Mäletan teda ühelt maakondlikult noortepäevalt Kundas mõni aasta tagasi. Sajad noored olid kogunenud ja sütitavat kõnet kuulama. Kui Liiv lõpetas, puhkes rahvailikooli saalis ennenähtamatut kiuduvaldustorm ning peagu kõigi koosviihibijate silmad olid liigutusest märjad. Liivile hüüti kümneid kordi elaguga teda kanti kätel. Kui nüüd luuletaja uuesti sõna võttis, ei lastud teda üldse enam rääkida, nii olid noored haaratud ekstaasist. Kuid ned üksikud laused, mis tal õnnestus poetada noorustormi sekka, olid väga iseloomustavad tema kohta, aga ühtlasi ka niivõrd mõjuvad, et paljud purskasid pärisele nutma. Ta ütles:

Olen vana mees, aga surra ma ei saa... Elada — seda tahan iga hinna eest!... Sest mina tahan veel näha oma silmaga seda, mida suudab teha eesti noorpõly oma vabal pinnal... Eesti pärast maksab elada... Aga kui ma ükskord siiski suren, siis küll... suure sündametäigega...

Tema kõnet kuulates kõigil oli tunne: need pole fraasid, mis ta ütleb, see pole poos, vaid see on mehe jutt, kes teisiti ei või rääkida; see on inimese tõelise mina ja hinge väljahoovus, teesklematu ning siiras. Niisugusena ta on ka jäänud meeles kõigile, kellega tal oli kokkupuuteid oma maisel matkal.

Oma kirjanduskunstiliselt andelt Jakob Liiv' ei olnud eriti suurte dimensioonidega. Arvesse võttes aega, öhkonda ja olusid, kus ta meheks sirgus, ei saanud ka küllaldane olla ta loomingu-line eruditsoon. Kui Liiv oleks sündinud 50 aastat hiljem, võib-olla ta oleks ka oma kirjandusliku loomingu näol meile jätnud kõrgema kunstikvaliteediga pärandi. Aga säärasenagi see pärand on huvipakkuv ja väärtslik peatükki meie kirjanduses — sügav oma tödedes, lihtne oma eestipärasuses, särav oma ilu ja idealismi järelle janunevais igatsusis.

Aleksis Rannit

Roerich — poeet

(Roerichi ühingu asutamise puhul Eestis.)

(Koos oonbarisse br. Jemine odusecombe Põrusa)

Roerich — see on vastuvaidelematult ja kahtlematult kultuurmaailma suuri maid nimesid. Ma ei möttele sel juhul ainult Roerichit — geniaalset koloristimaalikunstnikku, Roerichit — entusiastlikku kultuuritegelast, Roerichit — selget ja õlistavat kirjanikku, Roerichit — sügavat lüürilist luuletajat, vaid seda kõike kokku võetuna.

Minule on Roerich esmajoones suur luuletaja. Meenutage ainult kogu ta elu, mis tulvab kui suur, võimsalt kohisev kosk, — maalinguis, teaduslikes otsinguis, raamatuis — kõikjal te kohitate Roerichit — peenendatud luuletajana. Kuid Roerichit-luuletajat ei saa kõrvutada meie paljude tänapäeva luuletajatega. Roerich kui luuletaja on vääratus, mis kuulub inimlikkuse parimaile otsinguile. Roerich meenutab mulle alati George Sand'i sõnu, et „kunst ei ole antud oleviku uurimine, vaid ideaalse töe otsing“ ja Oscar Wilde'i, kes ütles, et mitte kunst ei peaks jälgendama elu, vaid et elu peaks jälgendama kunsti — luues ja ümber hinnates suurte kunstiteoste eeskujul oma väärusti.

Kui mõtlen Roerichile — siis tärkab teadvuses arusaamine, et on olemas kaks liiki tundeid: pealiskaudsemaid ja sügavamaid kui hingel väline ja sisemine „mina“. Kuna sügavaimate jaoks ei ole loodud erilisi sõnu, siis ka nende keskel tuleb eritella armastust, viha, soove, vastikust, kuigi tõeliselt ja enamus nad kuuluvad hingel välikele „minale“. Inimesed elavad tavaliiselt pealiskaudsete tunnetega ja sügavai-

Kui seal pole niipalju vormikaunistust, siis on seal ometi tunnetepuhtust, võltsimatut elujanu ja isamaa-armastust. See aga ongi, mis Liivile kui rahvaku Kirjanikule annab suure tähtsusse. Aga meie teeme tihti tema puhul vee sellega, et arvame Liivi tema pika elua töttu ka loomingulisilt avaldusilt meie aega kuuluvaks ning püüame otsumi langetada tänapäeva kriteeriumide ja kunstipõhimõtete järelle.

Võime julgesti ütelda, et Jakob Liiviga lahkus meilt häid eestlas. Sest meest, kes niivõrd kriglikult oma asja austaks ja hindaks kui tema, on tööst raske leida nüüdisajal, kus kiretempoline rahvusvaheline elu meile ette lükib ka teiste rahvaste loomungilisi väärusti. See, mõistagi, ei tähenda, et Liiv oleks võõraid rahvaid ning nende töösaavutusi alahinnanud. Ei, tema nägi ainult oma Eestit. — kõik muu oli talle lihtsalt olematu.

Tema elu oli hümn Eestile.

H. V.

maid, saljasid nad kardavad, sulgedes neile silmad. Kooskõlastunud väliste tunnetega, inimesed töendavad, et nad seda ja seda ihkavad, üht armastavad, teist vihavad — ning nad on siirad ja õiglased, kuid siirad ja õiglased ainult hingel väliste „mina“ suhtes. Ja tihti samal ajal kui väline tunne on rõõm, sisemine ja sügav on õud ja ahastus. Kuipalju armunuid, pillates kirge tingivaid sõnu, ei julge vaadata hingel salapaikadesse, et mitte leida vastikust selle vastu, kellest unistelakse. Seepärast siis võibki armastada ja vihata koos. Välised tunded on suutelised muutuma kireks, mille nimel minnakse surmale, alandumisele, hingel väramisele ja siiski kõrgeima töe silme ees on see silmakiri. Harilikus elus on sügavaimad tunded harva tunnetatavad. Nad on tihti sõnatud. Ja poeet, kes julgeb vaadata hingel sügavusse, näeb seal põhjatusi — seda nägid Dante ja Dostoevski. Seda näeb ka Roerich. Roerichi esteetiline nägemuslikkus on väljendatav Balmonti sõnadega:

Пять чувствъ — дорога лжи, но есть
восторгъ экстаза,
когда намъ истина сама собой видна.

(„Viis meelt on vale tee, kuid olemas on ekstaasi juubeldus, / mil Tõde iseendast meile paistab“). Ja kas ei ole tõeline luule — hingel sügav nägemuslikkus, kas ei ole luule täiuslikem palg — lüürika. Vaadake ainult kuipalju lüürikat, kuid puhast ja karget põhjamaist lüürikat on kõigis Roerichi maalinguis ja ta raamatuis. Milliseid värv ja sõnu tunneb ta intuitiivne ja ürgne kujundamisoskus — selgeid, lihtsaid ja sügavalt veenvaid.

Ja kui paljudele luuletajaile on antud unistada ja nende arusaamises unistamine tähendab suurt omandamist, saamine aga kõige kaotamist, Roerich — see „praktiline idealist“, nagu nimetavad teda sõbrad — tundmatu niinemetatud realiteeti ja irrealsust (nende tavaliises mõistes) — vaid üht realsust nii „siin“ kui ka „seal-pool“, Roerich ütles: „me pole unistajad, vaid elu töölised ja meid saadeti selleks, et öelda rahvale: mäleta Ilu...“. Kui Roerich räägib siin elu teenimisest, siis muidugi mitte sellest elust ei ole juttu, mis karjub laatadel ja turgudel, vaid sellest, mis on aknaks igavikku.

Nagu kõikide suurte luuletajate tsentraalseks jõuks — nii ka Roerichi kunstiliste avalduste algallikaks on süda. „Cor Ardens'iks“ nimetas ta üht oma organisatsiooni ja see nimetus sobiks kõige enam ka tema enda tõeliselt leigitsevale südamele. Süda tun-

Soome Ooperi direktoris valiti naine

Neil päevil Soome Ooperi nõukogu valis ooperi uueks juhatajaks proua Aino Acté-Jalanderi. Proua Jalanderi jutustas teda usutlema tulnud ajakirjanikele, et kavatseb tuua lavale esijoones suuri ajaloolise taustaga opereid. Üheks selliseks pr. Jalanderil on juba välja valitud Viinis suure edu osaliseks saanud Goldmarck'i ooper „Seeba kuninganna“. Peaosas esineks töenäoliselt Antonietta Toini külalise na. Ka vanu opereid uuendatakse, nagu näiteks „Hoffmanni lugusid“, „Traviat“ „Rigolettott“, „Faust“ j.m. Neile tulevad uued dekoratsioonid, uued kostüümid jne. Soome uudiste seas tuleb lavastusele Väinö Hannikaise komponeeritud ballett „Önnelind“. Üldse kavatseb pr. Jalander suurte ooperi tantsurühma, ka koori võetakse juure noori värsked hääli. Lähemal ajal ooperi uus direktor sooritab reisi välismaile, kusjuures reisi üheks eesmärgiks on leida Soome Oopereile noor ja kõrgehääleline tenor.

Varsti Soome Ooperil seisab ees hispaaniaaineline esietendus. 23. märtsil tuleb lavale Manuela de Falla ooper „La vida breve“.

neb Ilu köikvõimsat tähendust. Läbi köike puhestava, köike uueks loova südametule valguse, mis õnnistab ja läbib taeva ja maa, viib püha tee inimeslikkuse ja suuruse poole — ning sügavaimate lõppudeni võpatub inimhing selle kutsuva tule harmoonilisest helisemisest. Kuid Roerich veetleb meid ka mõtte ölsusega, mis tajub kõiki jumaliku külvi algvorme. Kui sinna juure lisada veel suurt lüürilist veenvust — siis saab täiesti selgeks, miks kõigis maailmajagudes korrratakse tema õpetusi kui evangeeliumi sõnu.

Roerichi õpetusist võib välja lugeda, et elu on inimesele antud rõõmuks. Elu on kaunis eluna, kunsti rõõmununa, kunsitilise naudinguna, iluna, loomingu rõõmununa, milles inimene muutub jumalaks. Ilu ja kunst on jumalikud, ilu on jumal: kõrgeim, alistumatu, erandlik vääratus. Ja nii nagu elu mõte on elu ise, tema hingus, nii ilu mõte on ise jumalik ilu. Kuid Dostojevski ütles ju, et: „Ilu päästab maailma“ ja öeldu väärustust mõistis täies ulatuses Roerich. Roerich kutsub kõiki mõistma ilu, astuma teele, mis on valgustatud ilu tunglaga. Ilu päästab inimest nüristavaist ja jõuetuks tegevaist elulisist väiklusist, sellest kleepuvast saas-

Hajameeline professor

Kuulsa Uppsala ülikooli professor, kes oli tuntud oma hajameelsuse pooltest, oli kord vihmasel päeval unustanud oma vihmavarju kuskile kauplusse — nagu see hajameelse professoritega ikka nii juhtub —. Märgates, mis oli juhtinud, professor käis ärist ärisse ja küsis oma vihmavarju. Kuid seda ei leitud. Kõik vastasid eitavalt professori küsimusele. Viimaks vihmavari siiski leidus. Ja professor ei joudnud küllalt tänada müüjannat, hüüdes vaimustatult:

„Esimene aus inimene, keda täna kohtan, preili! Palju tänu! Mötlege, olen käinud kümmeonnas kaupluses ja igal pool kõik aina eitasid. Teie olete esimene, kes vastas jaatavalalt. Südamest palju tänu!

BERNARD SHAW ja MAURICE CHEVALIER

Bernard Shaw ja Maurice Chevalier puhkavad praegu Davosis oma tööst. Maurice Chevalier, kes Davosis „loomulikult“ kannab Tiroli kübarat, korraldas kontserdi puudustkannatavate prantslasist - haigete heaks, kus ta laulis oma kuulsaid šansoone. Bernard Shaw'le, kes ka viibis kuulajate hulgas, meeldisid laulukesed väga ja ta laskis end pärast ettekannet Chevalier'ga tut-

tast, mis imeb endasse hing. Kuid selles, et rahvad mõistaksid ilu, on tarvis immukat võittemist. Meie ideaaliks on töö. Las' voolavad tervekstegeva higi tilgad. Neis tilkades on sümfoonika. Elu töeline sümfoonika. Töö, mis on valgustatud päikese eredaist kiireist. Töö päikesest. Mis võiks olla suurem sellest pildist! Kaasaegsuse kahvatud varjud — kogu see igapäevsuse armetut kilpi kandev väikekodanlus, kellel ei ole ruumi elu töelisel pühul — kaob, kui talle langeb ainult üks kiir sellest päikesest.

Roerich annab kõigile küsimusile selleid ja siiraid vastusi. Ja kui meile näis võti kastilt, milles on peidetud rahvaste õnn, kuhugi heidetud, kuhugi peidetud, kui meie otsisime seda julget rüütlit, kes ei tunneks kartust kõigi julmade jõoudude ees, ja kes leiaks selle võtme isegi sel juhul, kui ta oleks heidetud mere põhja — siis te mõistate, miks raske kurbuse hetkil, paindununa ümberringi sündiva raske kandami all, meie sammume selle rüütli poole. Tema nimi on Roerich.

Riias ilmuvalt monograafist

„NICOLAS ROERICH“

Nicolas Roerich

„Teatri“ märtsikuu number

Asja ilmunud ajakirja „Teatri“ märtsikuu number toob avaartiklina A. Sikemäelt pikema artikli näitejuhi ülesannetest teatrikunstis ja selle rakendusmeetodeist, Juh. Kangur analüüsib ansambl-teatri mõiste kujunemist ja taotlusi selles suunas eesti teatrite juures, E. Uulilt on pikem arvustav sõnavõtt „Pietetist ja stagnatsioonist meie muusikaelus“. Edasi on Rasmus Kangro-Poolilt tervituskiiri Ed. Türgile 50-nda sünnipäeva puhul, A. Sunne annab meeoleolulisi mälestuskilde teatrioludest saksa okupatsioonipäeval 1918. a., V. Kaljumäe vaatleb teatrit ja inimest läbi Marcel Pagnoli prillide, A. Sepp kirjutab kolme aasta eest surnud kuulsa näitleja Aleksander Moissi elust ja ta loomingust, A. Polgar „Viimset etendusest ja eesridest“, väga huvitavad on katked Ibseni loomingust pealkirja all „Henrik Ibsen eraviisil“. Mõnusaid, amüsantseid vahepalasid ja välimaa teatriuudiseid pakub „Kuuldnähtut-loetut“ osa, edasi ülevaateid kodumaa teatrite tööst jne. jne. Number on rikkalikult illustreeritud.

vustada. Ta ütles sobralikult kuulsale šansonjeele: „Ma ei ole teid seni kahjuks veel kuulnud.“ Chevalier va kohe niisama sobralikult: „Ei ole vigat, ma ei ole ka seni veel ühtki teie raamatut lugenud.“

THIMIGIDE PEREKOND OLI PAPAGOIHAIGE

Kuulus austria näitlejatepererekond Thimig, mis koosneb Hugost, Helenest ja nende poegadest Hermanist ja Hansust, oli vahepeal papagoihaige. Peale Thimigide haigestus veel terve rida isikuid, kel oli kokkupuutumisi selle perekonnaga. Kõige enam kardeti isa Hugo pärast, kes on juba üle 80-ne aasta vana, nüüd on aga kogu perekond jälle terve. Muide, selle haiguse tööttu tekkis Viinis suur paanika, mille tagajärvel anti Viini loomakaitseseltsile üle 10.000 (kümmetuhat!) papagoid.